

В. И. Каравкин

Хронотоп провинциализма

/философское эссе/

Под историей в самом широком, общепринятом смысле этого слова, мы понимаем фиксированные во времени и пространстве деяния людей, совокупность которых образует события и коллизии, непосредственно воздействующие на жизнь во всей ее полноте. История насыщена борьбой за власть и экономическое господство. Ее составляют мятежи, заговоры, перевороты, бунты, восстания, войны и т.д. и т.п. Повсеместно вершится история, но характер ее событийности является конкретным и определенным: события происходят либо здесь, либо там, сейчас либо тогда, их можно представить жирной точкой на листе бумаги.

Иную природу имеет культура. Она обнаруживает себя в многообразных формах содружества, братства, любви, искусства и науки. Она впитывает в себя прошлое, вступает в диалог с ним и, одновременно, устремляется к будущему, тянется к свету наступающего дня. Обретая смысл в прошлом, она целеполагает будущее, вернее, смыслоформирует мгновения, от нее ускользающие. Находясь в центре исторических событий и коллизий, культура проходит сквозь них, благодаря, с одной стороны, — сильнейшему толчку, полученному от мудрых предков; с другой, — перспективе, устремленности за горизонт. Несмотря на сумятицу борьбы за корону и власть, территории с золотыми приисками и нефтяными вышками, культура устанавливает душевно-сердечные и духовные контакты человека с человеком. Она и представляет собою одушевление и одухотворение глубинного и сокровенного, интимного и до боли совестливого. Пространство же ее — весь мир.

Историческими действиями переполнены столицы и крупные городские центры. Именно там бурлит, кипит, хлопочет борьба за сферы влияния, сбыта и господства. Культура же не имеет центростремительной направленности. Она может концентрироваться как в пышном Версале, так и в тихом аббатстве Пор-Рояля, как в престольном граде Киеве, так и в одинокой скинии, как в Санкт-Петербурге, так и в "несвятом" провинциальном Витебске. Проводниками ее может оказаться граф и крепостной, свяитель и опальный вольнодумец.

Если образно представить культуру в виде духовной ауры, дымки, сопутствующей всей нашей жизнедеятельности, то можно вообразить ее либо светящейся — нимбом, либо чадающей и покрывающей все окружающее копотью. Мы — носители культуры. Она, культура, словно наше биополе. В столицах и провинциях светим и чадим — мы.

Провинциализмом назовем последнее, т.к. оно является как бы тенью культуры, то увеличивающейся, то уменьшающейся, принимающей уродливые формы, подобно нашей тени от одинокого фонаря в темном, грязном дворе. Носителя провинциализма будем называть привычным именем — провинциал, независимо от того, где протекает его жизнедеятель-

ность, в столице или глубинке. Провинциал, собственно, — это носитель того синдрома, который метафорически обозначен Платоном как “жужжащие трутни вокруг помоста”, Ф.Ницше — “слишком многие”, Г.Маркузе — “одномерный человек”, Х.Ортега-и-Гассетом — “человек-масса”, а Э. Фроммом — “одинокая толпа” [1, с.267].

Выше, при сравнении с событийной природой истории, были даны общие пространственно-временные характеристики культуры в целом. Относительно пространства, это — вселенская ширь, безграничность, воплощающиеся в духовном тяготении к высотам и глубинам. Во временном плане, это — устремленность в будущее, порыв души, насыщенной прошлым, через настоящее.

Иным является хронотоп провинциализма. Углубимся в него.

Ощущение бытия провинциала сковано пространственным видением себя в окружающем мире. Провинциал замкнут в границах признаваемого им своим района, улицы, двора, дома. Его не волнуют события, происходящие за забором собственного участка, вне крыльца своего дома. Он может интересоваться теорией мировых катастроф и даже преподавать всемирную историю, но это является не более, чем неприхотливой игрой ума, либо способом добывания хлеба насущного. Чувство сопричастности, скажем, к горящим лесам соседнего района у него поглощается заботой о собственной пяди земли. Провинциал замкнут в границах своего сада, который может искренно воспевать в стихах и песнях. Такому ощущению пространства, бесспорно, больше способствует жизнь в провинции, чем в крупных центрах. Небольшой провинциальный ареал оправдывает состояние замкнутости в социальном пространстве. В больших городах широкая и густонаселенная пространственная среда, казалось бы, должна уничтожить всякую замкнутость. Но этого не происходит. Провинциал и там умудряется выстроить вокруг себя бетонную стену. Его мир ограничивается районным магазином, известным маршрутом до места службы, в юности — ближайшим кинотеатром. Он может оказаться в партере столичного Большого театра, но ощущать себя при этом как на вражеской территории.

Духовная удаленность от больших культурных очагов приводит к своеобразному парадоксу чувства времени. С одной стороны, кажется, что время застыло, течет медленно-медленно. Стоит прислушаться к сменяемости событий и состояний, как становится слышен стук секундной стрелки. Какая пустота! Звучит парадоксально, но как ее много в период этого заунывного стука, отбивающего всего несколько секунд. Шестьдесят — целых шестьдесят! — раз должна переместиться стрелка, прежде чем пройдет минута. Всего минута. С другой стороны, время, лишенное духовно-событийной насыщенности, проходит очень быстро. Оно фиксируется в сознании с событиями больших личных потрясений, таких как, скажем, первая любовь, окончание школы, успех, беда, горе и т.д. Такие события происходят редко. Оказывается, что “маленькое” время — минуты и часы — течет медленно, “большое” — месяцы и годы — стремительно. Перед нами эффект одиночной камеры: время течет медленно, а жизнь проходит быстро, так как ничего в ней не происходит. Те же эмоционально и духовно насыщенные события, которые разворачиваются рядом, не воспринимаются как происходящие в личной жизни или наполняющие ее ритмичностью и стремительностью. Более того, провинциал не ждет перемен. Они его раздражают. Они ломают привычное восприятие сменности дня ночью, лета осенью, молодости старостью. Провинциал не любит “слепые” дожди, без видимых туч, и не обращает внимания на радугу. Но и

не к стабильности стремится он. Провинциал не знает, вернее никогда не задумывается над тем, что это такое. Ему необходима стабильность сменяемости и текучести тех компонентов жизни, которые вполне укладываются в представление о вращении секундной и ходе часовой стрелок.

Такое пространственно-временное видение способно привести к чувству периферийности собственного бытия, к возникновению состояния самоуничтожения и придаленности. Большой внешний мир, широкий и полный ритмической насыщенности, воспринимается как нечто агрессивное, противостоящее, ущемляющее достоинство, оскорбляющее честь, покушающееся на то сокровенное, в чем клоочет собственная жизнь. "Большой" мир сильнее "маленького", личного. Но при всей его величине и силе все же есть одна возможность отстоять себя. А именно, не сделать внешнее своим, внутренним, не впустить его в себя, остаться посторонним по отношению к нему. Хронотоп провинциализма, таким образом, оказывается своеобразным защитным жилетом, броней, оберегающей личностный мирок от внешнего мира.

В то же время, этот же хронотоп оказывается социально ёмким. Он вмещает в свои пределы регулярно контактирующие между собой большие группы людей. Он является той сферой, где окончательно формируются специфические ценностные установки и морального, и эстетического, и религиозного, и утилитарно-бытового характера. Ценности, во многом определенные хронотопом провинциализма, не другие, воспринимаются как свои, подлинные, являются действующими в обозначенном социальном круге. Эти ценности вызывают к себе искреннюю привязанность, страстный пыл. Речь идет не о привязанности к домашнему халату, а о духовном воплощении своего "Я", об одухотворении души своей, об одушевлении. Речь идет об отношении к "другому" в самом широком смысле этого понятия: от березки до страждущего нищего. Все то, что не входит в круг близких интересов, не расположено рядом, не удовлетворяет непосредственно и наглядно, провинциал отбрасывает как чужое и чуждое. Этим чужим и чуждым может оказаться, например, как категорический императив Канта или швейцеровская теория благоговения перед жизнью, так и музыка Бетховена, живопись Моне или романы Платонова. Этим чужим и чуждым могут оказаться другие, непривычные, не свои, сформированные вне данных пространственно-временных пределов, традиции, обычаи, верования, другой цвет глаз, другая форма носа, наконец.

Перед нами не столько ограничение личности провинциала обстоятельствами, внешними по отношению к нему, сколько самоограничение; не столько отчуждение от него социальных институтов и форм духовной культуры, сколько самоотчуждение. Обладая нормальными человеческими способностями, провинциал ограничивает сам себя. Объективно мелкое становится для него субъективно значительным. Его действительная жизнь не согласуется с теми духовными потенциями, которыми он же обладает. Естественная духовная энергия, данная от природы, остается не просто невостребованной, а погребенной. "Я" — действующее, "Я" — для - другого" противостоит "Я" — потенциальному", "Я" — для - себя". Собственная жизнедеятельность отчуждается от собственного бытия.

Этот разлад приводит к трагизму. Вернее, в случае осознания испепеляющего противоречия между внутренним и внешним человек покидает нишу провинциализма. Все дело в том и заключается, что провинциалом становятся именно тогда, когда уничтожают в себе драматизм разлада между возможностями и действительностью.

На удовлетворение узколичностных потребностей провинциал направляет всю свою внутреннюю силу и энергию. Так как потенциальные способности, скажем, к музыке, поэзии, физике и философии, оказываются подавленными, погребенными, то разум, воля, чувства и эмоции вырываются наружу “обнаженными”, не имеющими определенной формы и качества. В мире разыгрывается представление воплощения провинциала в то, на что взгляд упадет. Отсюда буйство сил, вспышки гнева, всплеск чувств, каскад эмоций. Все это является самодовлеющим, направленным на себя, самоудовлетворяющим. Перед нами, как бы грубо это не звучало, духовная мастурбация, рационально-чувственный онанизм, который может сопровождаться и садизмом, и мазохизмом. Это — эгоизм, дошедший до своего апофеоза, — эгоцентризм. Другими словами, когда в незначительное и мелкое вкладываются все физические и духовные силы, происходит непомерное выпячивание своего “Я”, что и приводит к эгоцентризму.

Эгоцентристу есть чем насытить себя не только на уровне быта. Искусно создаются /делаются/ такие формы культуры, которые позволяют ему компенсировать недостаточную духовную насыщенность жизни, и удовлетворить, и утвердить себя. Имеются в виду те суррогаты культуры, которыми переполнены современные средства массовой информации, книжные магазины, концертные залы. Примечательно, что суррогаты эти, как правило, идут из столиц и центров. Так формируются шаблоны приемлемого для восприятия “среднего” обывателя. При этом, если в период тоталитаризма преследуются идеологические цели, то во времена либерализма либо либерализации целью становится нажива. И в том, и в другом случае провинциал может быть удовлетворен: ему удается, как он сам считает, приобщиться к миру духовных ценностей. Оглянемся вокруг и мы обнаружим, что у провинциала большое количество разнообразнейших средств самореализации. Это успешное утверждение себя в дачном деле, это и усвоение знаний о либидо, о летающих тарелках, о тайнах линий рук. Неприхотливые мелодии кружат ему голову, а сексуальные приключения Эммануэль и Мадам заставляют взять в руки книгу. Он читает, он танцует, он поет... . Возникает естественная потребность утвердить свои вкусы и взгляды, расширить круг их бытования. Так провинциал становится агитатором и пропагандистом своих ценностей и, в результате, воинствующим невежей. Утверждать мишуру суррогатов он почитает за честь.

Вышесказанное касается и провинциалов крупных центров и столиц. Отличия являются незначительными. Скажем, если чувство замкнутости социального окружения и медленного течения времени несколько ослабевает, то притязания становятся большими, эгоцентризм возрастает: как же, такого достигнуть в столице! Тяготение же к суррогатам культуры часто приобретает маниакальный характер. Воинствующее невежество, таким образом, пускает корни везде, где оказывается провинциал.

Следует развенчать общественное стереотипное суждение о провинциальной скромности, о провинциальной чистоте и о провинциальном упорстве. Об этих качествах говорят в том случае, когда человек из глубинки покидает ареал, в котором жил, и попадает в незнакомую ему среду “большого города”. Но, как отмечалось выше, отдаленность от центра вовсе не делает человека провинциалом, и нравственные качества добропорядочности отнюдь не связаны с местом жительства. В случае же попадания в столицу провинциала, ранее жившего вдали от нее, отмеченные добродетели являются не более чем лицемерной маской, прикрывающей неумение вести себя в непривычной обстановке. После адаптации

скромность, упорство и чистота трансформируются в наглость, упрямство и пошлость.

В ком нет ни на йоту провинциализма ?

В произведении великого Иеронимуса Босха "Вознесение блаженных в рай" изображаются люди, вдохновенно стремящиеся к вихревому кольцу света, влекомые из темноты ангелами. Диаметр светового круга уменьшается и он превращается в слепящий солнечный шар. К нему-то из темноты и устремляются блаженные. Пусть описанный фрагмент послужит символической метафорой необходимости полета из тьмы провинциализма к солнечному свету культуры. Благо, свет этот — яркий, и проводники, ангелы, — есть. Блаженство же обрести возможно только в глубинах собственной души.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Батыгин Г.С.** Метаморфозы утопического сознания. - В кн. Квинтэссенция: Филос. альманах, 1991. — М., 1992.

S U M M A R Y

Spacial and temporal sight of a provincial-chronotop — is the result of his self — restraint and self — confirmation. It causes egocentrism. Confirmation of egocentral aspiration leads to aggressive ignorance. It doesn't depend on the place of residence of a provincial. The work "Ascension of Blis- sful Souls to Paradise" by H.Bosch is a symbolic metaphor of the necessity of a flight from the darkness of provincialism to the sunlight of culture.